



Глава 1

Берривью, Калифорния,
1966 год

Странным образом знойная погода заставляет Беверли Лайтфут вспоминать утро, когда она обнаружила в соседском мусорном контейнере одежду своего мужа.

Стояла духота, вот как сегодня; вдалеке рыскал тощий койот. Взгляды зверя и женщины скрестились, прежде чем Беверли подняла крышку контейнера. Присыпанная яичной скорлупой и кофейной гущей, клетчатая рубашка — ее подарок мужу на тридцатипятилетие — была запятнана кровью.

Беверли моргает, чтобы прогнать видение, поправляет зеркало заднего вида, отпускает руль и растопыривает пальцы, чтобы рассмотреть маникюр, сделанный буквально сегодня утром, с розовым лаком оттенка «невинная гвоздика». Беверли хмурится, склоняется ниже, почти уверенная, что лак пошел пузырями на жаре.

По обеим сторонам шоссе высажены пальмы, которые, кажется, едва живы от зноя; тротуары заполонили граждане в брюках-капри и трикотажных жилетах. При такой жаре — неотступной, настырной, исходящей от самих зданий, пышущей от каждой «зебры» — у людей кружатся головы, особенно здесь, в Берривью, где ни тебе морского бриза, ни даже вялого ветерочка, который всколыхнул бы спертую духоту.

Такая жара длится уже несколько недель: столкновение погодных фронтов, всего две темы в газетах — жара и бомбардировки Ханоя. «ГОРОД ПЛАВИТСЯ! — нагнетают газетные заголовки. — ВО ВЬЕТНАМЕ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ПОГИБШИХ».

Для коммивояжеров жара — отличный повод постучаться к Беверли в дом. Они являются с напольными вентиляторами, громоздкими переносными холодильниками, ледогенераторами — держат их под мышкой, приглаживают пятерней влажные волосы, лыбятся так, будто нашли сокровище. Вежливо отделившись от очередного торговца, Беверли устраивается в тени навеса. На каждом дворе, за каждым белым заборчиком и цветущим гибискусом Беверли видит одно и то же: мужчина с широко расставленными ногами, в растегнутой рубашке — точной копии той, что она обнаружила в мусорном контейнере, — промокший насквозь под садовым разбрызгивателем.

Беверли надевает солнцезащитные очки в белой оправе — иначе ее ослепят блеск плавящегося асфальта и сверкание дорогих авто. Впрочем, к встрече с роскошью она морально готова. Она слегка ерзает за рулем своего «Форда Кортина» — от жары бедра прилипают к старому виниловому чехлу сиденья. Платье из саржи кремового оттенка, туго затянутое ремешком на талии, с шелковым бантом на шее уже промокло от пота. И ничего не поделаешь — остается надеяться, что свет софитов не будет слишком ярким, когда она войдет.

Беверли смотрит в зеркало заднего вида. Солнечные лучи пробиваются сквозь деревья, пляшут, сверкают на окнах. Беверли втягивает щеки, отчаянно впивается в них зубами изнутри. Она злится на свою — предсказуемую до отвращения — память. Стоит только столбцу термометра перевалить за девяносто по Фаренгейту, она, словно собака Павлова, слышит тарахтенье вертолета, видит вспышки красных огней.

Она выключает радио, оттягивает давящий на горло бант, поджигает губы, начинает обмахиваться. Воздух сух и горяч. «Платье из саржи — в такую-то жару? Серьезно? Браво, Беверли».

Платье она извлекла из недр шкафа и специально для такого случая сдала в химчистку. Сам выбор одежды превратился в ритуал, занял несколько дней. Беверли целые часы проводила перед зеркалом, брала плечики с платьями, прикладывала к себе, прикидывала, угадает ли с нарядом. Не слишком строгое. Очевидно, не слишком игривое. Не короткое. Не декольте. И категорическое «нет» красному цвету.

Она нанесла макияж и тут же начала его стирать, будто люди обратят внимание на неподходящий персиковый цвет румян или слишком густо покрашенные ресницы Беверли, будто эти детали дадут им повод подтвердить свое мнение о ней.

Между тем нарядная толпа движется к парадному крыльцу отеля. Блестят под солнцем серебряные полицейские значки и тщательно начищенные пуговицы. Собралась тут не одна сотня: рядовые сотрудники полиции, следователи, шерифы. При них жены, и тоже в своеобразной униформе: жемчуг на шее, полуприлегающее платье, серьги крупные, как елочные шары. Беверли скользит взглядом по собственным ногам и вздыхает, заметив затяжку на новых колготках.

Она еще раз проверяет, в порядке ли макияж. Буквально слышит голос матери: «Подумай как следует, Беверли. Челка едва ли украсит твое круглое лицо». Тушь немножко размазалась — вон комочки под нижними веками; новая помада марки Coty собралась в уголках губ. Вид подавленный и жалкий.

Беверли достает из сумочки салфетку, ловит себя на том, что руки дрожат. Да что там руки — ее всю трясет, страх вибрирует в венах. Беверли промокает уголки рта, тянется за помадой, гадает, что хуже: адская жара или

адская нервная дрожь. Там, в отеле, собрались важные персоны: глядеть будут на нее, слушать ее, думать про себя: «Разумеется, она знала». Или: «Чтобы жена — и ни сном ни духом? Пустое место, ноль без палочки».

За последние пять лет Беверли усвоила одну истину: другие женщины уверены, что уж они-то заподозрили бы неладное, насторожились бы, если бы их мужа творили за пределами дома то, что творил муж Беверли. Ничего бы они не заподозрили, просто им так легче, удобнее — жить с этой уверенностью. У Беверли хватает благородства не огорчать этих женщин истиной.

Еще один взгляд в зеркало. Помада нанесена заново, и вдруг Беверли видит на парковке ЕГО. Она съезживается за рулем так, что мочки ушей касаются плеч.

— Проклятье!

Тюбик помады выскальзывает из пальцев, падает под ноги.

— Черт побери!

Беверли с ужасом глядит на алую полосу, прочерченную помадой по лифу светлого платья.

Она решается привстать, выглянуть. Роджер Гривз почти пересек парковку, он уже далеко. Даже с такого расстояния Беверли различает его серебристо-седые волосы, зачесанные набок, чувствует свежесть отутюженной полицейской формы, мощь крупного тела. В локоть Роджеру Гривзу вцепилась его жена Инид.

Беверли боится дышать, пока эти двое пересекают парковку; но вот они скрылись за дверьми отеля. На складной доске объявление написано мелом:

3 июля

Торжественный вечер для сотрудников
Полицейского управления Лос-Анджелеса и их семей

Беверли торопливо пудрится, стараясь приглушить неуместный румянец, и поднимает голову.

Если она прямо сейчас не войдет — то не войдет вообще.

Если она не войдет, все решат, будто ей есть что скрывать.

Живо, пока не передумала, она распахивает бардачок, выхватывает старую плоскую фляжку. Да, конечно, не следует возить с собой это наследие Генри, но глоток представляется Беверли чем-то вроде акта неповиновения. Напиток успел нагреться, он обжигает язык и гортань... Через пару минут Беверли может расправить плечи. Когда внизу живота возникает знакомое покалывание, похожее на помехи на телеэкране, Беверли прячет фляжку, заправляет за ухо локон и выходит из машины.

Воздух густой, хоть режь его ножом. Беверли по очереди проверяет все четыре дверцы форда, обжигая о раскаленный металл кончики пальцев. Повторяет привычную процедуру, справляется с порывом сделать это в третий раз. Если она немедленно не войдет, у людей возникнут беспочвенные подозрения. История Беверли будет рассказана за нее.

Она уже стоит лицом к парадной двери в золоченой раме проема, когда нечто вынуждает ее чуть попятиться. Из роскошного «Плимут Барракуда» выпархивает молодая женщина, хлопнув водительской дверцей спорткара. Плоские подошвы ее туфелек в стиле Мэри Джейн на ремешках шлепают по асфальту — она спешит войти в отель.

— Извините, — бросается к ней Беверли. — Подождите, мисс! — Беверли хватает незнакомку повыше локтя.

На нее, вскинув выщипанную бровь, смотрит красавица типажа Джин Шримптон¹ в изящном топе с воротником гольф; с виду ей под тридцать, как самой Беверли.

¹ Английская актриса и модель, одной из первых начала носить мини-юбку. — *Здесь и далее: примеч. перев.*

— Извините мою бесцеремонность, но вы забыли запереть машину, — с улыбкой говорит Беверли.

Незнакомка ахает, ее рука взлетает к горлу и касается тонкого, почти прозрачного распятия на цепочке.

— Слава богу! Я подумала, вы хотите продать мне страховку или что-то подобное.

Беверли натужно смеется.

— Нет, я только хотела помочь.

Ей в ответ улыбка, словно она выдала нелепость.

— По-моему, нет причин беспокоиться, — после паузы произносит незнакомка. Она стоит вполоборота к отелю, взмахивает изящной ручкой. — Там собралось сотни три копов. Сегодня эта парковка — самая надежная в городе.

Ну да, она прехорошенькая, эта молодая леди — но красота еще никого не спасла от смерти.

Беверли натягивает улыбку.

— Если вы не запрете все двери в машине, злоумышленник может туда забраться и спрятаться за сиденьем.

Незнакомка хлопает глазами — она в шоке.

— Для безопасности всегда следует запираť машину, — гнет свою линию Беверли.

Глаза незнакомки сужаются до двух щелок, полных отвращения. Молча она делает шаг к своему авто, демонстративно запирает обе дверцы, проходит мимо Беверли, едва не задев ее плечом, прижав сумочку к груди, и скрывается за дверьми отеля.

В бальном зале как в парнике — дышать нечем. Распорядители раздали всем бумажные веера, и супруги полицейских ими обмахиваются, приподнимают «хвосты» волос над влажными шеями, являя застежки дорогостоящих ювелирных украшений — сплошной антиквариат с аукционов. Зал, как ватой, окутан гулом голосов, низкий баритон мужских голосов выдает благородство —

широкие плечи, набриолиненные волосы, упоительное благоухание «Арамиса». Кто-то пришел в парадной форме. Остальные поглаживают лацканы смокингов, поправляют галстуки-бабочки.

Царит полумрак, столь приятный после сводящего с ума солнечного света. Стены задрапированы черной тканью. Высоко над головой колеблются, подрагивают, вспыхивают стеклянные подвески люстры. Беверли опускает взгляд, касается пятна помады на платье. «Ну конечно. Только больше размазала».

Может, надо было позвать с собой Марго, да еще и Элси взять. То-то бы получилось шоу. «Леди и джентльмены, вы хотели взглянуть на жену серийного убийцы? Вот вам сразу три жены».

Не поднимая глаз, Беверли идет через весь зал, надеется, что по газетным фотографиям никто ее не опознает.

Она всегда завидовала полицейским и их женам. Ведь что для них убийство? Восемь букв в отчете. Его обсуждают за ужином под мясной рулет. Его, как вещдоки с места преступления, запирают на ключ в конце рабочего дня.

Появляется официант с подносом и с низкими, вразлет, как у Ли Марвина¹, бровями. Беверли берет два бокала шампанского: один в открытую, другой так, чтобы не видел официант, который уже собрался отойти. Животворачивается к стене, осушает первый бокал в несколько глотков, ставит на ближайший столик. Второй бокал она подносит к губам, но передумывает: он нужен ей полным, чтобы было чем занять руки.

— Миссис Лайтфут.

Беверли едва не выпрыгивает из кожи. Перед ней молодой человек, смазливый, как персонаж из рекламы. Ее

¹ Американский киноактер (1924–1987), известен ролями злодеев и «крутых парней».

примерно возраста — то есть гораздо моложе большинства офицеров в этом зале. Внезапно Беверли представляет его играющим в теннис: ровный загар на мускулистых ногах, элегантные белые шорты...

— Я теперь мисс Эдвардс, — поправляет она, дольше положенного удерживая взгляд молодого человека.

Именно «мисс», а не «миссис». Потому что миссис Эдвардс — это ее мать.

— Мисс Эдвардс.

Молодой красавец открывает в улыбке зубы, у Беверли жарко пунцовеют кончики ушей.

— Спикеры приглашаются за кулисы, где можно расслабиться...

Над губой у него две бусины пота.

— Там есть тихая комната, мисс Эдвардс, где вы, если желаете, можете спокойно дожидаться своего... — Он несколько раз моргает, прежде чем произнести слово «выход».

Беверли отвечает кивком. Молодой человек уже удалился. Через минуту Беверли сама движется к сцене. Справа, отделенный высокой черной перегородкой, виден коридор, куда Беверли поспешно ныряет. И вот гул приглушен, взрывы хохота, выкрики крутых парней стихли и превратились в глухое почти незаметное жужжание. В темноте Беверли замедляет шаг, переводит дух, массирует шею под волосами, гордо поднимает голову, успокаивается.

Внезапно ее кожа словно электризуется.

Кто-то смотрит на Беверли.

Она это чувствует, как если бы ее слегка царапали.

— Рад снова встретить вас, миссис Лайтфут.

Электрическое покалывание прекращается. Беверли узнала этот хриплый голос.

Она оборачивается.

— Мистер Корнвелл.

Ее плечи сводит судорога.

— Не думала, что увижу вас здесь.

— Может, напрасно вы пришли?

Корнвелл вскидывает бровь, но не улыбается. Шеф полиции Том Корнвелл не из тех, кто разбрасывается улыбками. Когда он брал Генри, когда бросал Беверли обвинение — мол, знаете кое-что, да запираетесь, — он не улыбался.

— Как жизнь?

— Да так... — Беверли пожимает плечами.

Корнвелл кивает, поглаживает усы.

— Готовы, стало быть? — Он указывает в сторону сцены.

«Нет», — хочет ответить Беверли. К такому она никогда не будет готова. Просто, если сейчас она не выйдет к публике, останется под подозрением и у самого Корнвелла, и у всех остальных: покрывала, скажут, своего Генри, знала о преступлениях, да помалкивала.

— Настолько, насколько к этому можно быть готовой, — отвечает Беверли.

Она уже видит себя там, перед скептическими лицами, и вынуждена прислониться к стене для надежности.

— Вы молодчина, правильно поступаете, — Корнвелл на миг сжимает губы, словно учтивость для него болезненна. — Многим поможете своим выступлением.

— Конечно.

Беверли закрывает глаза, подавляет желание рвануть прочь из этого коридора, выскочить на парковку. Впрочем, на фантазии о побеге времени очень мало. Корнвелл смотрит на часы, и в то же мгновение раздается визг — реакция микрофона на пробное постукивание.

Глава 2

— Леди и джентльмены! — Голос распорядителя оглушителен. — Добро пожаловать на торжественный вечер для сотрудников полиции Лос-Анджелеса, их друзей и членов семей, первый и единственный в нынешнем, тысяча девятьсот шестьдесят шестом году.

У Беверли сердце ухнуло в желудок.

— И для начала прошу приветствовать, — продолжает распорядитель, а у Беверли словно рот набили наждачной бумагой, — шефа полиции Тома Корнвелла, главу Калифорнийского отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

Зал рукоплещет.

Беверли затаилась в уголке. Скрытая тенью, она имеет хорошую возможность наблюдать за публикой.

Гости полны внимания, неяркий свет поигрывает на бриллиантах; Корнвелл делает шаг в пятно прожектора. Беверли внезапно понимает, что у мужчин вроде Тома Корнвелла нет поводов нервничать, ведь они — герои по умолчанию, они, как правило, контролируют ситуацию, да еще и внушают всем правильное представление о том или ином человеке.

Кто же в таком случае она сама? Преступница? Подельница? Почти пять лет минуло, а Беверли до сих пор не нашла себе места в этой истории. Она — жена? Несомненно. Женщина, чей удел — мучительный дуализм?

Определенно. Она была близка с убийцей настолько, что помнит, как пахнет его шея и какие звуки он издает во сне; знает, что нижний левый клык у него черный — в драке когда-то стукнули бейсбольной битой. Но именно эта близость не давала ей отступить на шаг и взглядеться; именно кокон рутины мешал понять, что ею просто играют.

— Леди и джентльмены, — начинает Корнвелл.

Бeverли видит, как расправляются плечи от его зычного голоса. Этим же самым голосом он ее допрашивал, забрасывал чудовищными подробностями изощренных преступлений Генри.

— Спасибо вам, что пригласили меня отпраздновать очередной год успешной работы полицейского департамента Лос-Анджелеса. — По-прежнему ни намек на улыбку. — Для меня большая честь рассказать об одном из ключевых моментов в моей карьере.

Это о нем. Это всегда о нем.

— Пять лет назад, в результате расследования, которое потребовало беспрецедентных ресурсов, поддержки окружных шерифов нашего штата и напряженной работы всех моих подчиненных, в том числе моего заместителя Роджера Гривза, я защелкнул наручники на запястьях человека по имени Генри Лайтфут — того, кто целых три года держал в страхе добропорядочных жителей Калифорнии и за свои жестокие преступления получил прозвище Тепловой удар.

Корнвелл делает паузу, но аудитория лишь через секунду понимает: нужно похлопать.

Каково это, гадают Беверли — стоять перед целым залом народу и требовать восхищения собой? Корнвелл поправляет галстук, играет желваками, упивается аплодисментами; наконец поднимает руки — мол, довольно, тише.

— Я и по сей день помню, — аудитория уже под гипнозом, — как билось мое сердце, когда я дотронулся до

Генри Лайтфута. Это было словно прикосновение к воплощенному злу.

Бeverли судорожно сглатывает.

— Только знаете что? — Корнвелл поднимает палец. — Может, то действительно был пик моей карьеры, ключевой момент, но... — Он косится на Беверли. — Но момент, вызывающий наибольшую гордость, я переживаю прямо сейчас, здесь, на этой сцене, — Корнвелл указывает себе под ноги, — потому что сегодня вечером с огромной радостью готов представить вам неординарную женщину.

Беверли еще могла бы сбежать. Просто развернуться и сбежать, и никто бы ее не остановил.

— Миссис Беверли Лайтфут, леди и джентльмены.

«Эдвардс моя фамилия! Я теперь мисс Эдвардс!»

— Жену убийцы по прозвищу Тепловой удар.

«Бывшую жену».

— Женщину, которая открыто сотрудничала со следствием, чтобы ее муж был гарантированно осужден.

«Поподробнее насчет открытого сотрудничества».

Внезапно лучи всех софитов концентрируются на Беверли, и она, застигнутая врасплох, на секунду теряет равновесие. Щурится, морщится от шума в ушах, пока картины дня, когда ЭТО случилось, вспыхивают одна за другой в ее разуме. Наручники. Вертолеты. «Бэндстенд»¹ по телевизору. Подростки вихляются под «Чертенка»² в исполнении Нила Седаки; песню Беверли помнит наизусть. Образы наступают, кружат. Солнечные лучи, в этот час золотые, проникают в окна под углом. Утятница, только из духовки, жжет ладони даже через стеганные варежки (на которых изображены кролики). И — грохот, и звон сотни осколков, когда утятница падает на пол.

¹ American Bandstand — музыкальное телешоу, транслировалось с 1952 по 1989 г.

² Англ. «Little Devil».

— Мы неплохо ловим преступников, — продолжает Корнвелл, — но лишь храбрые женщины вроде Беверли Лайтфут знают, каково это — делить с преступником жизнь. И лишь вооруженные информацией именно такого сорта — я бы даже назвал ее откровением, ведь ею владеют только женщины, подобные стоящей сейчас перед вами, — мы, слуги закона, как бы заглядываем к убийце в дом и начинаем понимать, что же происходит за закрытыми дверьми.

На этих словах Беверли чувствует запах Генри. Так от него пахло, когда глубокой ночью он забирался в супружескую постель. Беверли поклясться готова, что этот запах — смесь лосьона «Олд Спайс» и машинного масла — прочно обосновался в ее ноздрах. Она сразу тянулась к Генри — бывало, обнимет его со спины, прилипнет, как мокрица...

— Однако довольно слов, леди и джентльмены. Время представить вам потрясающую миссис Беверли Лайтфут.

Аплодисменты оглушительны. Перед Беверли вспыхивают точки, схожие с кометами, но она успевает заметить, как ярко белки выжидающих глаз. Каким-то чудом Беверли оказывается посреди сцены, у микрофона; тянет к нему руку, ощупывает воздух. Швы на платье впились ей в шею сзади. Бант завязан слишком туго. Беверли буквально видит пунцовые вмятинки на собственной коже.

Она просто хотела помочь; просто хотела, чтобы больше не было жертв. Поэтому и сказала «да». Поэтому она здесь. Только она, похоже, разучилась говорить.

Из зала доносится чье-то «кхе-кхе».

Беверли тяжело сглатывает.

— Добрый вечер.

Микрофон отзывается взвизгом. Беверли отскакивает, косится за кулисы. Там Корнвелл: глядит выжидательно, требовательно.

Беве́рли делает шаг к микрофону, но теперь держит дистанцию. Прикрывает глаза — свет слишком резок; глубоко, шумно вдыхает.

— Добрый вечер, леди и джентльмены. Меня зовут Беве́рли... Лайтфут. Я была замужем за Генри Джеймсом Лайтфутом, который в период с пятьдесят седьмого по шестьдесят первый год отнял жизни у семи женщин в районе залива Сан-Франциско. Вот моя история...

Сцену Беве́рли покидает под овации. Она еще не поняла, как ей это удалось, но во всяком случае дело сделано. Если бы не душевная опустошенность, Беве́рли сочла бы, что вышло неплохо.

От Корнвелла ей достается надменный кивок. Сделав это усилие, Корнвелл оборачивается — его окликнули.

— Шеф, мы едем в участок, — говорит полицейский, в то время как взгляд его задерживается на платье Беве́рли, на пятне помады. — Кое-что случилось, шеф.

Офицер смотрит на Беве́рли, прикидывает, можно ли ей услышать то, что он намерен сообщить.

— У нас труп. Вас интересует, шеф. Нестандартное дело.

Глава 3

— Отбеливатель не пробовала? — интересуется Марго с надувного матраса.

Голову она свесила, сквозь опущенные веки видит блестящую паутинку, сплетенную лучами солнца. Марго опускает руку: вода в бассейне прохладная, нежит пальцы, играет лазурью и золотом. Зря она вчера столько выпила; но откуда же ей было знать, что явится Тони Кертис, который «Гибсоны»¹ смешивает как бог?

Марго гребет к лесенке, вылезает, некоторое время стоит, плавится в зное, сохнет естественным путем. У ее ног миниатюрная саламандра неуловимым движением языка облизнула собственный глаз. Воздух густ, сладко пахнет каприфоль, от бассейна потягивает хлоркой. Двери в кухню раскрыты, по радио поют «Битлз», мелодия «Бульварного писателя»² просачивается в сад. Марго тошнит от этой претенциозной песни. Она оборачивает бедра полотенцем, садится, прикидывает: принесет ли кто ей таблетку тайленола, если она напустит на себя достаточно несчастный вид?

— Она права, — соглашается Элси. — Пятно от помады можно вывести отбеливателем. Замочи платье, потом повесь на веревку. Мигом высохнет при такой жаре.

¹ Коктейль из джина и сухого вермута, дополняется маринованной луковкой, назван в честь художника Ч. Д. Гибсона.

² Англ. «Paperback Writer».